

Владимир Кожевников

Резонанс

Владимир Кожевников

Резонанс

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Резонанс / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Алексей Воронцов слышит чужие мысли — и это почти сводит его с ума. Неожиданно пробудившийся дар превращает жизнь московского подростка в череду чужих болей, страхов и обрывков сознаний. Но когда на пороге появляется полковник внешней разведки, Алексей узнаёт: он не один такой. За ним охотятся, его хотят использовать или уничтожить. Начавшись как история необычной способности, «Резонанс» вырастает в масштабную сагу о людях, чей разум стал оружием. Секретные лаборатории, ментальные дуэли, предательство и любовь, подпольные убежища и международные трибуналы — герою предстоит пройти путь от испуганного девятиклассника до лидера нового поколения. И в конце этого пути — не только победа над системой, но и встреча с тем, что изменит само понятие человечности. Эпичная история о том, как резонанс понимания оказывается сильнее резонанса ненависти, и о мире, где дар перестаёт быть проклятием.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот в тишине	5
Глава 2. Уроки резонанса	9
Глава 3. Зеркала Кремля	16
Глава 4. Эхо бездны	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Кожевников

Резонанс

Глава 1. Шёпот в тишине

Алексей умирал в восьмой раз за неделю.

Так он называл мгновения, когда реальность отслаивалась, обнажая текучую изнанку из чужих сознаний. Это было похоже на то, как если бы стены его комнаты вдруг становились прозрачными, а за ними — не улица с чахлыми тополями, а бесконечный коридор, где в каждой нише кто-то плачет, смеётся, лжёт, молится, умирает или рождается. Он не видел этого глазами. Он чувствовал кожей, нёбом, затылком. Чужая боль привкусом ржавчины оседала на нёбе, зависть колола ледяными иглами под ногти, а чьё-то мимолётное счастье осыпалось перед глазами золотистой пылью — такой хрупкой, что боялся выдохнуть.

Вакцина на школьном медосмотре осенью девятого класса лишь сняла последний ментальный барьер. Кто-то из умных взрослых в белых халатах назвал это «активацией латентных нейронных связей». Алексей же называл это сорванным клапаном.

Дар был врождённым — он чувствовал это по странной тоске, преследовавшей его с самого детства, когда, ещё не умея говорить, он вдруг начинал плакать за минуту до того, как мама огорчалась из-за новостей по телевизору. Дар просыпался, как тектонический разлом: сначала едва заметная дрожь, потом — трещины в фундаменте привычного мира, и наконец — землетрясение, которое перекраивает всё.

Проснулся он в холодном поту. За окном ещё было темно — поздняя осень в Черёмушках наступала стремительно, словно крадучись. Алексей сел на кровати, сжимая одеяло так, что побелели костяшки пальцев. Сердце колотилось где-то в горле, в висках пульсировал знакомый гул — эхо чужого панического сна, который он только что пережил как свой. Женщина в этом сне теряла ребёнка в толпе метро. Её крик застыл комом ржавой ваты во рту Алексея.

Он включил настольную лампу. Жёлтый свет выхватил из темноты стеллажи с книгами, карту звёздного неба на стене, самодельный радиотелескоп на подоконнике. Комната была его бункером. Здесь, среди потрёпанных томов по астрофизике и квантовой механике, пахло пылью, старыми страницами и едва уловимым запахом озона — его собственным, возникавшим в моменты сильного напряжения.

Алексей Воронцов жил на пятом этаже панельной девятиэтажки в московском районе Черёмушки. Дом был построен ещё в шестидесятых, и его подъезд навечно пропитался запахом сырой штукатурки, кошачьей мочи и дешёвого табака. Этот запах казался частью семейного архива, таким же неизменным, как мамины пироги с капустой по субботам, как папина привычка по вечерам читать газету в продавленном кресле, как скрип половицы на кухне, о которую спотыкались все гости.

Из окна кухни открывался вид на пустырь, заросший одичавшими яблонями. Летом там было зелено и дико, зимой — бело и пусто. И только ночью, когда город затихал, Алексей любил смотреть на звёзды над этим пустырём. Там, в холодном вакууме, не было эмоциональных паразитов. Не было чужих голосов, шепчущих в голове на разных языках. Только тишина — абсолютная, первородная, спасительная.

Отец, Виктор Петрович, работал инженером на заводе и о способностях сына не догадывался. Мать, Надежда Николаевна, медсестра в районной поликлинике, списывала странности сына на подростковый возраст и близорукость. «Много читаешь, вот глаза и болят, и нервы ни к чёрту», — говорила она, когда Алексей жаловался на головные боли. Он перестал жало-

ваться. Он научился молчать. Научился уходить в себя, строить внутренние стены из мнимых образов — кирпичик за кирпичиком, пытаясь отгородиться от нарастающего шума.

Но шум рос.

Школа номер 554 стояла в пятнадцати минутах ходьбы от дома — путь через гаражи и старый парк, где по весне распускались клейкие листочки на липах. Приземистое здание из серого кирпича с выщербленными ступенями крыльца помнило ещё советских выпускников. Внутри пахло хлоркой, мелом и дешёвым кофе из автомата на первом этаже.

В девятом классе Алексей ещё пытался быть как все. Играл в волейбол на уроках физкультуры, списывал физику у отличницы Светки, мечтал о новом процессоре для своего старенького компьютера. Он даже ходил на дискотеку в актовЫй зал, где под мигающую лампу танцевали одноклассники, стараясь не слышать их мыслей — оглушающего гула желаний, обид, неловкости.

Но дар уже просыпался. Сначала это были не мысли — лишь оттенки настроений, которые накатывали внезапной волной, как мимолётная тошнота или необъяснимый подъём. Учительница алгебры, Марья Петровна, монотонно объясняла квадратичные функции, вода указкой по доске, а Алексею вдруг становилось тошно от её застарелой обиды на директора, который не дал ей премию к юбилею. Он чувствовал эту обиду как кислый привкус на языке. Друг Димка звал гулять, а в его голосе звенела паническая тревога из-за того, что отец опять запил, и эта тревога сжимала сердце Алексея спазмами.

Это было невыносимо. Но Алексей списывал всё на подростковую мнительность, на гормональный взрыв, на «переходный возраст». Он убеждал себя, что это нормально — иногда чувствовать чужую боль, потому что все люди эмпатичны, просто он слишком впечатлительный. Он врал себе. И эта ложь была единственным щитом, который у него был.

Пока однажды на уроке истории не случился пробой.

Учитель, сухонький Илья Семёнович, монотонно рассказывал о Куликовской битве. В классе стояла та особая духота, когда за окном моросит октябрьский дождь, а батареи шпартят так, что хочется открыть форточку. Алексей, сидевший на последней парте у окна, чертил в тетради схему телескопа — он рассчитывал новую линзу, выписанную по объявлению из «Юного техника». Вполуха слушая про засадный полк, он вдруг почувствовал, как что-то тяжёлое наваливается на солнечное сплетение.

Агрессия.

Она захлестнула его волной такой концентрированной, что зазвенело в ушах. Мир вокруг стал монохромным, краски поблекли, а перед внутренним взором вспыхнула ясная картина: десятиклассник Захар, местный задира, стоял в коридоре у лестницы. Его мысли были цвета ржавого железа и пахли палёной резиной. Он целился кулаком в лицо семиклассника, который случайно задел его плечом. Захар уже занёс руку. Его намерение было неотвратимо, как удар молнии.

Алексей не понимал, что делает. Он вдруг вскочил, отбросив стул, и выкрикнул: «Не смей!» — выбросив вперёд руку, хотя между ним и драчунами было три стены и лестничный пролёт.

В классе наступила тишина. Илья Семёнович поправил очки и строго спросил: «Воронцов, ты что себе позволяешь?» Но Алексей уже не слышал. Он видел, как Захар в коридоре ослеп на секунду от неведомого импульса, как взвыл, схватившись за лицо, и рухнул на колени. Жертва успела убежать. А по школе уже разносился звон разбитого стекла — лопнула лампочка под потолком.

Дрожь била Алексея крупной, как в лихорадке. Он понял: это сделал он. Не рукой — чем-то другим. Тем, что жило внутри и наконец прорвалось наружу.

После уроков к нему подошёл Димка — бледный, с расширенными глазами. «Ты чё, Воронцов, экстрасенс, что ли?» — спросил он с деланной усмешкой, но в его мыслях был страх. Алексей отмахнулся: «Глюки. Недосып». Но сам знал: это не глюки.

Именно этот случай — а точнее, резкий всплеск нейроактивности, зарегистрированный датчиками военного спутника, — был зафиксирован системой «Резонанс». Секретной программой Службы внешней разведки, отслеживавшей аномальную нейроактивность по всей планете. Алексей об этом не знал. Но в тот момент, когда его импульс ударил по Захару, в подмосковном центре управления замигал красным сигнал на карте Москвы.

Через три дня после инцидента Алексей возвращался из библиотеки. Осенний вечер навалился рано, фонари горели тускло, и моросящий дождь делал мир размытым, похожим на акварель неопытного художника. Он нёс под мышкой книгу по квантовой запутанности, украденную почти легально — с формуляром, но без особой надежды вернуть.

У подъезда его ждал человек.

Незнакомец курил, прислонившись к старому «Жигулёнку» цвета выгоревшей зелени. В полутьме его лицо казалось вылепленным из усталости: серые глаза с мешками под ними, мятый плащ, пахнущий дешёвым табаком и мокрой шерстью. Но мысли этого человека... Алексей вздрогнул.

Он ещё не умел толком фильтровать чужие сознания, но уже различал «громкие» и «тихие» умы. У прохожих мысли метались, как мухи в банке. У этого же человека ум был не громкий, а плотный, словно сжатая пружина. Упорядоченный, как картотека. Каждая мысль лежала на своём месте, и между ними не было лишних связей. Профессионал. Охотник.

Алексей хотел было нырнуть в подъезд, но незнакомец преградил путь, бросив окуроч в лужу.

«Полковник Звягин, — представился он. Голос низкий, хрипловатый, без интонаций. — Служба внешней разведки. У нас есть к тебе разговор, Алексей».

Внутри у Алексея всё оборвалось. Сердце ухнуло в пятки. Он думал о побеге, о том, чтобы закричать, позвать на помощь. Но прежде чем страх успел захлестнуть его полностью, сквозь картотеку мыслей Звягина пробились образ. Он был ярким, как вспышка, — девочка лет восьми, лысая после химиотерапии, рисующая единорога на листе бумаги. Её пальцы были перепачканы фломастерами, а на губах — улыбка. Дочь. Звягин думал о ней постоянно, как о единственном источнике тепла в холодном мире секретных операций. Эта мысль была не спрятана за картотекой — она была сердцевиной, вокруг которой наматывались все остальные.

Страх Алексея дрогнул. Он не поверил бы словам полковника, но он поверил усталой любви, пульсирующей за ними. Любовь не врёт.

«Я не вербую тебя, — сказал Звягин, и в его голосе впервые проскользнула не то просьба, не то предостережение. — Я предлагаю лечение. Ты третий выживший после спонтанного пробоа за последний год. Первый сейчас в коме, второй — в психиатрической клинике под Псковом. Твой дар разрушит тебя, если не научиться им управлять. Рано или поздно ты либо свихнёшься, либо убьёшь кого-нибудь случайно. А потом тебя найдут другие — не такие вежливые, как я».

Алексей молчал. Дождь моросил по лицу, смешиваясь со слезами, которых он не замечал. Он смотрел на полковника и видел не просто агента — он видел отца, который каждую ночь возвращается домой, тихо открывает дверь в детскую, чтобы убедиться, что дочь дышит. И этот образ оказался сильнее страха.

«Согласен, — сказал он тихо. — Что дальше?»

Звягин кивнул, словно не сомневался в ответе. «Завтра в шесть утра за тобой заедут. Скажи родителям, что едешь на олимпиаду по физике. Мы всё устроим».

Он уже уходил, когда Алексей окликнул его: «Полковник... а что со мной будет? Если не получится?»

Звягин обернулся. В свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня. «Если не получится, — сказал он, — ты окажешься в коме. Или хуже. Но лучше попробовать, чем ждать, верно?»

Он сел в «Жигулёнок», и машина утонула в темноте. Алексей остался стоять под дождём, чувствуя, как в груди разрастается странное, незнакомое чувство. Это была не надежда — слишком хрупкое слово. Это было решение. Точка невозврата, за которой начиналась другая жизнь.

В ту ночь он не спал. Сидел на подоконнике, глядя на пустырь и звёзды. Мысли Звягина — тёплые, усталые, отцовские — всё ещё отдавались эхом в его сознании. И впервые за много лет Алексей подумал: а что, если он не один? Что, если есть другие такие же, как он? Не монстры. Не ошибки природы. Просто... другие.

За окном завывал ветер, где-то в соседней квартире плакал ребёнок, и чужая боль уже не казалась такой острой. Потому что теперь у неё было имя — и, возможно, лекарство.

Он закрыл глаза и впервые за долгое время не стал выстраивать ментальные стены. Он позволил миру войти. И мир, словно удивлённый таким доверием, на мгновение затих.

Алексей уснул под утро, и ему приснилась девочка с единорогом. Она улыбалась и рисовала солнце. Рисунок был кривым, детским, но солнце на нём светило по-настоящему. Или ему только показалось.

Глава 2. Уроки резонанса

Слово «Химера» свило гнездо в снах Алексея, всплывая то алым росчерком на карте Восточной Европы, то бешеной пульсацией зрачков того атташе в посольстве, чьи мысли он впервые прочитал на задании. С тех пор прошла неделя, но вкус горелого сахара — лжи, замешанной на страхе, — всё ещё чувствовался на нёбе. Алексей просыпался по ночам, хватая ртом воздух, и подолгу сидел в темноте, вслушиваясь в тишину особняка.

Особняк в Замоскворечье, куда его привезли наутро после разговора с Звягиным, оказался не тем, чем казался снаружи. С улицы — обычное двухэтажное здание дореволюционной постройки с лепниной на фасаде, заросшее плющом, с покосившимся забором и табличкой «НИИ культурного наследия». Внутри — лабиринт коридоров, звукоизолированные комнаты, медицинский блок с оборудованием, которое Алексей видел только в фантастических фильмах, и странная, почти осязаемая тишина. Он ощутил её ещё на подходе: пространство вокруг особняка словно уплотнилось, приобрело вкус озона и текстуру матового стекла. Позже Кира объяснила — это ментальный купол, сотканный из сознаний таких же сенсетивов, как он сам. Защита от внешнего сканирования и одновременно — фильтр.

Первый день в центре был самым страшным. Не из-за угроз или допросов — никто его не допрашивал. Страх был другим: Алексей вдруг оказался в месте, где его понимали. Без объяснений. Без неловких пауз. Здесь не нужно было притворяться. И это было настолько непривычно, что вызывало почти физическую боль.

Его поселили в комнате на втором этаже — небольшая, но светлая, с высоким окном, выходящим во внутренний двор. На стене — репродукция Левитана, на тумбочке — графин с водой и стакан. Пахло старым деревом, лёгкой затхлостью и чем-то едва уловимым, похожим на лаванду. Алексей долго сидел на кровати, сжимая в руках выданные ему спортивные штаны и футболку, и думал о доме. О маме, которая сейчас, наверное, волнуется, хотя Звягин обещал, что «легенда» надёжная. О папе, который в субботу будет один месить тесто для пирогов. О том, что он, возможно, никогда не вернётся к обычной жизни.

Но отступать было поздно.

Знакомство с центром началось с экскурсии, которую провёл молчаливый парень в форме охраны — безликий, с ментальным фоном, напоминающим белую стену. Потом Алексей понял, что это не человек, а «нуль» — низшая ступень сенсетивов, обладателей подавляющих способностей. Их использовали для защиты периметра.

На первом этаже располагались комната охраны, столовая и небольшой спортзал. На втором — учебные классы и библиотека. На третьем — жилые комнаты, медицинский блок и кабинет Звягина. Везде горели лампы дневного света, окна были задёрнуты тяжёлыми портьерами, но это не создавало гнетущего впечатления — скорее, ощущение изолированности, как в подводной лодке. Пахло антисептиком, кофе и чем-то сладковатым — мятой, что ли?

В столовой Алексей впервые увидел других сенсетивов. Их было около двенадцати — разного возраста, от подростков до мужчин за сорок. Они сидели за длинным столом, ели гречку с котлетой и о чём-то переговаривались. Но главное — их мысли... они не были шумом. Это были течения. У каждого сознания — свой цвет, температура, вязкость. У рыжего веснушчатого парня, который жевал, уставившись в тарелку, мысли текли медленно, тёмно-зелёные, как вода в лесном омуте. У женщины с короткой стрижкой — быстрые, серебристые, с острыми краями. А у девушки, сидевшей в углу с книгой, мысли были почти прозрачными, как студень, и двигались лениво, сворачиваясь в кольца.

Алексей сел на свободное место. Рыжий парень поднял голову и улыбнулся: «Новичок? Денис». Пожал руку. Рука оказалась холодной и сухой. «Дар — резонатор, — добавил он, не дожидаясь вопроса. — Усиливаю чужие импульсы. А ты?»

«Не знаю ещё, — честно ответил Алексей. — Я просто... слышу».

«Все мы просто слышим, — усмехнулся Денис. — Потом начнёшь видеть, ощущать на вкус. Кира научит. Она у нас главная по обучению. Строгая, но справедливая. Только не лезь к ней в голову без спроса — она этого не любит».

Кира появилась после обеда. Алексей ждал кого-то вроде суровой надзирательницы в погонах, но женщина, вошедшая в класс, оказалась совсем другой. Ей было около сорока, но выглядела она старше: резкие черты лица, седые пряди в тёмных волосах, заплетённых в тугую косу, глаза цвета штормового моря — серые, с зеленоватым отливом, внимательные и холодные. На ней был простой свитер и джинсы, никакой униформы. Но в каждом движении чувствовалась собранность.

«Алексей, — сказала она, и её голос прозвучал не в ушах, а прямо в голове — чётко, как команда, и одновременно тепло, как рука на плече. — Я — Кира. Ближайшие полгода я буду твоим тренером. Забудь всё, что ты думал о своих способностях. Ты не умеешь ничего. Ты ребёнок, который нашёл гранату и не понимает, как она работает. Моя задача — научить тебя не взорваться. И не взорвать других».

Она жестом пригласила его следовать за собой. Они прошли в звукоизолированную комнату — небольшую, с мягкими стенами, без окон, с единственной лампой под потолком. Пахло резиной и озоном. Посередине стояли два кресла напротив друг друга.

«Садись, — Кира опустила в одно из них. — Ты знаешь, что такое эхолот?»

«Ну... прибор, который посылает сигнал и ловит отражение».

«Правильно. Твой дар — это эхолот. Ты излучаешь незаметный импульс и ловишь отражение от чужих сознаний. Но сейчас ты излучаешь слишком громко — как сирена. Никто не должен знать, что его прощупывают. Если излучишь слишком мощно — тебя засекут. И не только наши. В мире есть те, кто уничтожает сенсетивов. Ты должен стать тихим. Незримым».

Первый урок длился два часа. Алексей сидел в кресле и пытался «поймать» мысли человека за стеной — им оказался Денис, который специально перебирал в уме цифры от одного до ста. Сначала Алексей слышал только какофонию — обрывки, шёпот, шум. Но постепенно, следуя указаниям Киры — «дыши ровнее, представь, что твоё сознание — это антенна, направь её туда, отфильтруй помехи», — он начал различать. Денис думал: «сорок три, сорок четыре, ох, котлета была пересолена, сорок пять...»

— Сорок пять, — сказал Алексей вслух.

— Хорошо, — Кира почти не улыбнулась, но в её мыслях мелькнуло одобрение. — Теперь усложним. Два человека.

Второй «за стеной» оказалась женщина с короткой стрижкой — её звали Маргарита, она была эмпатом. Её мысли не были словами — это были цвета и ощущения. Алексей почти физически почувствовал, как ей грустно: она скучала по своей дочери, оставленной с бабушкой в Саратове. Грусть была синей и вязкой, как сироп.

«Ей грустно, — сказал Алексей. — Она думает о дочке».

«Отлично, — Кира кивнула. — Ты начинаешь различать не только факты, но и эмоции. Это важно. Но помни: то, что ты слышишь, не всегда правда. Люди часто лгут даже самим себе. Мысли могут быть ложными воспоминаниями, защитными механизмами, просто шумом. Твоя задача — не слышать, а понимать. И никогда, слышишь, никогда не используй это против человека без крайней необходимости».

Алексей кивнул, но в голове уже зарождалась тревожная мысль: а что, если я не смогу удержаться? Что, если когда-нибудь я решу, что «крайняя необходимость» — это любой мой каприз?

Он отогнал эту мысль. Пока что он был учеником. А ученикам не положено сомневаться в учителях.

Первые недели превратились в изнурительную рутину. Каждый день — по шесть часов тренировок: ментальная концентрация, фильтрация фона, распознавание эмоциональных окрасок, построение ментальных блоков. Кира учила его ставить «зеркальную сферу» — воображать вокруг головы оболочку из матового стекла, о которую разбиваются чужие мысли. Получалось не сразу. Алексей то слышал слишком много, то ничего. У него болела голова, закладывало уши, раз за разом шла носом кровь. Но он упрямо продолжал.

По вечерам, после ужина, ученики собирались в общей гостиной — смотрели телевизор, играли в настольный теннис, читали. Алексей поначалу сторонился всех, но постепенно начал привыкать. Денис оказался неплохим парнем — циничным, с чёрным юмором, но надёжным. Его дар резонатора позволял усиливать чужие импульсы, и во время спаррингов они с Алексеем учились работать в паре. Это было похоже на танец: Алексей «ловил» цель, Денис «усиливал» сигнал, и вместе они могли читать мысли на расстоянии до километра.

Однажды, после особенно тяжёлого спарринга, когда оба валялись на матах с носовыми кровотечениями, Денис вдруг спросил: «Слушай, а ты не боишься, что после всего этого тебя просто... сотрут? Ну, как использованную флешку?»

Алексей повернул голову. Денис смотрел в потолок, и его мысли были цвета мокрого асфальта — тяжёлые, липкие.

«Не знаю, — честно ответил Алексей. — А ты?»

«Я уже был в коме, — Денис усмехнулся. — Когда дар только проснулся. Год провалялся в больнице. Мать чуть с ума не сошла. А потом пришли эти... из СВР. Сказали, что вылечат. И вылечили. Но я им не верю. Никому не верю, кроме нас, сенсетивов. Мы — своя стая. Остальные — чужие».

«А Кира?»

«Кира — другое, — Денис помолчал. — Она была в плену у "Химеры". Десять лет. Её парня убили на глазах. Она знает, что такое боль. Поэтому она нас не предаст».

Алексей запомнил эти слова. И они поселились где-то глубоко, под рёбрами, холодным комком.

Однажды, через месяц после начала тренировок, Кира привела его в подвал. Там, за герметичной дверью, находилась комната, которую Алексей сначала принял за карцер. Но это было нечто иное.

В центре комнаты стояло кресло с ремнями, вокруг — мониторы, датчики, множество проводов. На стене висела фотография — молодая женщина с весёлыми глазами, обнимающая ребёнка.

«Это моя дочь, — сказала Кира. Голос её был ровным, но ментальный фон дрожал, как натянутая струна. — Её убили, когда я была в плену. Мне сообщили через год после освобождения. Она была обычной. Без дара. Ее убили просто потому, что она были связаны со мной».

Алексей молчал. Он не знал, что сказать.

«Я рассказываю тебе это не для того, чтобы вызвать жалость, — Кира повернулась к нему. Её глаза штормового моря смотрели в упор. — А чтобы ты понял: цена ошибки — жизнь. Не твоя. Тех, кто рядом. Ты думаешь, что тренируешься, чтобы управлять своим даром. На самом деле ты учишься защищать других. Запомни это».

Она выключила свет, и они поднялись наверх. Но слова Киры остались с Алексеем, как клеймо.

В ту ночь он не спал. Сидел на подоконнике, глядя на звёзды (сквозь ментальный купол они казались чуть размытыми, словно через матовое стекло), и думал о маме. О папе. О том, что они даже не подозревают, где он на самом деле. И о том, что, возможно, так и должно быть. Чем меньше они знают, тем безопаснее.

Но где-то в глубине души зарождалось другое чувство — горькое, острое, как заноза. Одиночество. Не то, которое он чувствовал раньше, когда его дар только просыпался. А другое — одиночество человека, который навсегда отделён от обычного мира стеклянной стеной. Он видел чужие мысли, но не мог поделиться своими. Он знал чужие тайны, но не мог рассказать о своих. Он был сенситивом. И это звание было одновременно даром и проклятием.

За стеной кто-то плакал во сне. Женщина. Маргарита, кажется. Ей снилась дочь. И дочь во сне была жива.

Алексей закрыл глаза и, сам не зная зачем, отправил импульс — тёплый, успокаивающий, как колыбельная. Не мысль, а ощущение. «Всё будет хорошо. Ты не одна». Он не знал, дойдёт ли импульс. Не знал, поможет ли. Но ему показалось, что плач стих.

Так он впервые использовал свой дар не для задания, а для сострадания. И это чувство — странное, почти забытое — оказалось сильнее любой ментальной атаки.

На втором месяце тренировок Алексей впервые участвовал в полноценной операции. Не той, где нужно было просто считывать мысли — а полевой, с выходом в город. Легенда: студент МГИМО, племянник советника по культуре, направляется на дипломатический приём в посольство одной из стран Восточной Европы. Цель: выявить среди гостей «спящего» агента «Химеры», который, по данным разведки, должен был получить инструкции.

Вечером перед операцией Алексей не спал. Он лежал в своей комнате, перебирал в голове детали: имя, биография, жесты, акцент. Кира дала ему досье, которое нужно было выучить наизусть. Но дело было не в досье. Дело было в страхе.

Впервые за долгое время он выходил в мир обычных людей — не как Алексей Воронцов, подросток из Черёмушек, а как агент. И этот мир не должен был ничего заподозрить.

В четыре утра его разбудил Денис. «Собирайся. Звягин ждёт».

В гараже особняка их ждала чёрная «Волга» с затемнёнными стёклами. Звягин сидел на переднем сиденье, курил (в машине было накурено, и Алексей закашлялся) и молчал. Рядом с ним сидела Кира — в строгом костюме, с заколотыми волосами, похожая на чиновницу из министерства.

«Легенда, — сказал Звягин, не оборачиваясь. — Ты — Егор Белов, студент второго курса, специализация — культурная дипломатия. Твоя тётя — Марина Белова, советник по культуре. Она действительно существует и работает в посольстве. Она в курсе легенды. Если что — ссылайся на неё. Вопросы?»

«Нет», — ответил Алексей, хотя вопросов была тьма.

Машина тронулась. Москва за окном была ещё сонной, утренние сумерки подсвечивали шпили высоток розовым. Пахло бензином, мокрым асфальтом и свободой — такой близкой и такой недоступной.

В банкетном зале посольства, среди хрусталия и дипломатических улыбок, Алексей чувствовал себя чужеродным элементом. На нём был строгий костюм, волосы тщательно уложены, лёгкий макияж скрывал юношеские прыщи. Пропуск холодил карман. А в висках нарастал знакомый гул — приближение толпы, напитанной скрытыми мотивами.

Он шагал по залу, делая вид, что рассматривает картины на стенах. На самом деле он «прощупывал» каждого гостя. Их мысли были как слоёный пирог: на поверхности — этикет, вежливые фразы («какая прекрасная выставка», «очень рад знакомству»), глубже — расчёты, страхи, желания. Большинство думали о деньгах, связях, карьере. Ничего криминального.

Но потом он наткнулся на атташе. Грузный мужчина с орденской планкой на лацкане, с бокалом минеральной воды в руке. С виду — скучающий дипломат. Но внутри... внутри его сознание было картой. Перед внутренним взором Алексея проплыла карта Восточной Европы, помеченная алыми шевронами. Там, где шевроны сходились, пульсировало слово: «Химера». Вкус горелого сахара — ложь, когда он говорил о «гуманитарном сотрудничестве».

Алексей аккуратно, как учили, снял слепок — не мысли, а образы, упаковал их в ментальный контейнер (представил их как маленькую коробочку, обмотанную нитками) и передал через резонатор — микрочип за ухом.

Операция длилась одиннадцать минут. Когда он вышел под мокрый снег, ладони дрожали, но не от холода. От осознания: он только что предотвратил нечто большое, что пока не имело названия. Или запустил цепь событий, которая сожмёт его самого.

В машине Звягин сказал только: «Молодец». И больше ни слова. Но в его мыслях Алексей уловил: «Мальчишка справился. Но следующий раз будет сложнее. Надеюсь, он выдержит».

Кира жала его плечо. Её мысль была тёплой: «Ты готов».

Но Алексей не чувствовал себя готовым. Он чувствовал себя стеклянным — прозрачным для всех, кто умеет смотреть. И это было самое страшное.

В ту ночь он долго стоял под душем, смывая с себя чужой пот, чужие страхи, чужие мысли. Вода была горячей, почти обжигающей, но внутри всё равно было холодно. Дар перестал быть болезнью. Он стал обязательством. Вписанным в контракт, под которым Алексей ещё не расписывался, но уже не мог отказаться.

Перед сном он достал из рюкзака старую фотографию — мама, папа, он сам в семь лет, с удочкой на берегу Оки. Солнце, улыбки, беззаботность. Другой мир. Мир, в который он, возможно, никогда не вернётся.

Он спрятал фотографию под подушку и закрыл глаза. Завтра новый день. Новые тренировки. Новые задания. И где-то там, в темноте, ждало слово, которое станет его судьбой.

«Химера».

На следующий день началась вторая фаза обучения — боевая телепатия.

Если раньше Алексей учился слушать и прятаться, то теперь — атаковать и защищаться. Сознание сенситива, объясняла Кира, — это не приёмник, а трансивер. Оно способно излучать импульсы, способные оглушить, дезориентировать, внушить кратковременную иллюзию или даже остановить сердце. «Но последнее — крайняя мера, — добавляла она с металлом в голосе. — Мы не убийцы. Мы — эхо, возвращающее посыл отправителю усиленным».

Его напарником стал Денис. Их первые спарринги заканчивались носовым кровотечением у обоих. Алексей учил свою ментальную сферу сначала быть камнем — непроницаемым для атак, потом губкой — гасящей импульс, и наконец — зеркалом, отражающим атаку обратно.

Однажды Денис, разгорячённый тренировкой, ударил слишком сильно. Импульс был похож на электрический разряд — он прошёл по нервным окончаниям Алексея, выжигая всё на своём пути. Алексей упал, его вырвало. Кира остановила спарринг.

— Денис, вон из зала, — сказала она ледяным голосом. — Ты нарушил протокол. Сила удара не должна превышать второй уровень.

— Но он же не защитился! — огрызнулся Денис.

— А если бы он не смог? Что тогда? Ты убил бы его.

Денис вышел, хлопнув дверью. Алексей, лёжа на мате, чувствовал, как в голове пульсирует боль, но сквозь неё пробивалась странная благодарность. Кира не дала ему сломаться. Она всегда была рядом.

Вечером Денис извинился. Они сидели на крыше особняка (доступ туда был запрещён, но Денис знал лазейку), смотрели на звёзды и курили украденные у охраны сигареты. Алексей не курил, но сделал вид.

— Ты прости, — сказал Денис, глядя в темноту. — Я иногда не контролирую. Отец у меня был такой же — вспыльчивый. Мать говорила, что в гневе он не помнил себя. Я, наверное, в него.

— Ты можешь это контролировать, — ответил Алексей. — Просто нужно время.

— Времени у нас нет, — Денис усмехнулся. — Ты слышал, что говорят? "Химера" активизируется. Скоро будет война. Не та, с пушками, а другая — ментальная. И мы на передовой. Алексей молчал. Он знал, что Денис прав. Но знать и принимать — разные вещи.

Через полгода изнурительных тренировок Алексею дали новое задание — уже не учебное, а боевое. Казань. Группировка «Химеры» готовила диверсию на Красноярской ГЭС, и нужно было изъять вирусное ПО, которое должно было вывести из строя систему управления. Операция была рискованной, и Алексей понимал это.

Но когда они с Денисом и Киной приехали в Казань, ментальный фон города поразил его. Он был другим — не московским, суетливым, а плотным, с восточной терпкостью, с примесью сладковатого запаха пряностей и выпечки. Мысли людей здесь увязали, как монеты в густом сиропе. Трудно было различать отдельные голоса.

Они поселились в хостеле в центре города, под видом участников международного IT-форума. Стены хостела были оклеены афишами хакатонов, пахло краской, растворимым кофе и потом. В соседней комнате кто-то играл на гитаре плохо, но с чувством.

Цель — некто Орлов, вербовщик «Химеры», работавший под прикрытием IT-специалиста. Его нужно было вычислить и изъять данные.

Алексей впервые столкнулся с нейроэкраном. Чистая, как горный хрусталь, пустота на месте сознания. Ни одной мысли, ни одного чувства. Это означало, что противник владеет технологиями, сопоставимыми с их собственными, если не превосходящими.

«Плохо дело», — подумал Денис, и эта мысль прозвучала как щелчок.

Но Кира учила: самый надёжный щит даёт трещину на пике эмоций. И Алексей нашёл способ — «случайно» опрокинуть стакан апельсинового сока на ноутбук Орлова. Злость вербовщика вспыхнула ослепительной искрой — и в этот момент брешь открылась. В сознание Алексея хлынул поток: серверная комната без окон, мигающий светодиодами роутер, цифры на экране — 72:00:00. Таймер обратного отсчёта. И обрывок мысли: «Протокол загрузки вируса на Красноярскую ГЭС подтверждён».

Денис, используя свой резонаторный дар, мгновенно усилил сигнал и передал в Центр. Группа физического захвата сработала ювелирно: Орлова взяли на выходе из туалета, куда он пошёл отмывать сок. Вирусное ПО изъяти.

Операция прошла успешно. Но на душе у Алексея скребли кошки. Импровизация с соком была опасной — если бы Орлов не разозлился, всё могло провалиться. Он нарушил протокол, рискнул не только собой, но и группой.

Вернувшись в Москву, он ожидал выговора. Но Звягин, вызвав его в кабинет, сказал другое:

— Импровизация была красивой. Но опасной. Ты мог засветить всю операцию. Без протокола ты — стихийное бедствие. Инструмент должен быть точным, а не эффективным.

Алексей вспыхнул:

— Но у меня не было другого способа пробить экран!

Звягин помолчал, потом пододвинул к нему стопку книг по нейролингвистике и психологии. Толстые, в потёртых обложках, с закладками на разных страницах.

— Способ всегда есть, — сказал он. — Ищи не здесь, — постучал пальцем по виску, — а здесь, — и кивнул на книги. — Техника — это только часть. Разум — другая. Ты должен научиться читать людей не как открытую книгу, а как шифр. Каждый жест, каждое слово, каждая пауза. Этому не учат за одну ночь. Но ты должен попробовать.

Впервые между ними пробежала искра не субординации, а почти отеческого наставления. Алексей понял: ему дают право на ошибку, которого лишены другие. И это право отчего-то жгло сильнее, чем первый ментальный удар.

Он взял книги и ушёл. А ночью, сидя в своей комнате, читал о невербальных сигналах, о микровыражениях, о том, как ложь проявляется в теле. И постепенно до него дошло: дар — это не волшебство. Это инструмент. Как скальпель. Им можно вылечить, а можно убить. Всё зависит от рук.

Он поклялся себе, что его руки будут чистыми.
Но судьба распорядилась иначе.

Глава 3. Зеркала Кремля

Москва цвела майской зеленью, когда Алексей получил новую легенду: Егор Белов, студент-искусствовед, практикант Музеев Московского Кремля. Ему исполнилось восемнадцать, он официально числился на заочном отделении университета, а всё свободное время посвящал тренировкам и операциям. Квартира на Чистых прудах, предоставленная СВР, хранила запахи старого паркета и книжной пыли — идеальное убежище для агента под прикрытием.

Задание было амбициозным: внедриться в окружение Эрика Вальдека, советника по культуре одного из европейских посольств, известного коллекционера русского авангарда. По данным разведки, Вальдек курировал финансовые потоки «Химеры», но доказательств не было. Требовались прямые улики.

Первая встреча произошла в Оружейной палате, на вернисаже, посвящённом русскому ювелирному искусству. Зал сиял золотом окладов, переливался бриллиантами царских венцов, дышал столетиями. Воздух там, казалось, застыл стеклом веков — плотный, слоистый, пропитанный запахом старины, воска и чего-то сладковатого, похожего на ладан. Алексей, одетый в строгий тёмно-синий костюм, с блокнотом в руке, изображал прилежного практиканта, делающего заметки. На самом деле он сканировал зал, выискивая знакомые ментальные отпечатки.

Вальдек оказался мужчиной лет пятидесяти, с безупречной выправкой, серебряными висками и внимательными, ничего не упускающими глазами. Он говорил по-русски почти без акцента, двигался с ленивой грацией хищника. Но сознание его было не просто закрыто — оно напоминало патину на старом серебре: плотную, слоистую, скрывающую суть. Лишь иногда сквозь неё просачивался холодный озон сдерживаемой злобы. «Авангард учит видеть за формой пустоту, — сказал он Алексею, разглядывая витрину с иконами. — Вы согласны, молодой человек?» Его мысль одновременно улыбнулась и оскалилась.

Алексей ответил что-то нейтральное про ценность традиции, но сам весь обратился в слух — не ушами, а тем внутренним эхолотом, который оттачивал месяцами. Вальдек был опасен. Опаснее, чем кто-либо из тех, с кем Алексей сталкивался раньше. Он чувствовал это по тому, как ментальный фон вокруг советника колебался — не подавляя, а словно бы обтекая его, как вода обтекает камень. Вальдек был не просто сенситивом. Он был манипулятором высшего класса, возможно, даже разрушителем.

Так началась их дуэль — изошрённая, полная намёков и двусмысленностей. На вернисажах, закрытых аукционах, светских раутах они обменивались колкостями, прощупывая друг друга. Алексей ловил отголоски намерений Вальдека — вкус пыли и марганцовки, — но суть ускользала. Советник, казалось, забавлялся этой игрой. Однажды на приёме в антикварном салоне на Арбате он подвёл Алексея к невзрачному человеку с бледным, лишённым возраста лицом. «Познакомьтесь, это господин Эн, — представил Вальдек с неуловимой усмешкой. — Мой старый друг и советник по вопросам безопасности».

Алексей протянул руку для приветствия и обмер: сознания господина Эна не существовало вовсе. Не пустота экрана, не ментальный блок — абсолютная, первичная тишина, словно у этого существа никогда не было души. После его прохода у Алексея на несколько часов онемела левая рука — побочный эффект контакта с тем, кого сенситивы называли «нулевой личностью». Он немедленно доложил Звягину, но тот приказал продолжать операцию: именно этот «Ноль» мог вывести на верхушку «Химеры».

В те дни Алексей часто оставался ночевать в квартире на Чистых прудах. Это была маленькая, но уютная квартира-студия на пятом этаже старого доходного дома. Из окна открывался вид на бульварное кольцо, по которому днём и ночью мчались машины, и на кроны старых лип, уже покрывшихся первой зеленью. По вечерам, когда город затихал, Алексей любил

сидеть на подоконнике, прислонившись лбом к холодному стеклу, и просто слушать. Не мысли — звуки. Шум шин, далёкий лай собак, чей-то смех из открытого окна напротив. Эти звуки были безопасными. Они не требовали расшифровки, не несли угрозы. Они просто были.

Он скучал по дому. Не так, как в первые дни — остро, до тошноты, — а по-другому, ноющей, фоновой тоской. Скучал по маминым пирогам, по папиному храпу из соседней комнаты, по скрипу половицы в коридоре. Иногда он ловил себя на том, что звонит домашним по видеосвязи и рассказывает выдуманные истории про учёбу, про друзей, про жизнь в общежитии. Мама верила. Папа делал вид, что верит. И от этого было ещё большее.

Однажды, после особенно напряжённого дня, когда Вальдек вёл себя подозрительно спокойно, а господин Эн трижды пересекался с Алексеем в разных местах (совпадение?), он не выдержал и позвонил Кире.

— Я не могу его прочитать, — сказал он, сидя на полу в коридоре, прижав телефон к уху. — Вальдек — как стена. Я чувствую, что он что-то замышляет, но не могу понять, что.

— Не пытайся продавить стену, — ответила Кира. Её голос был ровным, но в нём слышалась усталость. — Ищи трещины. Они есть у всех. Даже у него. Особенно у него. Люди с такой защитой обычно скрывают не секреты, а боль. Что-то, чего они стыдятся. Или боятся.

— Как найти?

— Наблюдай. Не ментально — обычными глазами. Смотри, как он двигается, как реагирует на слова, на жесты. В какой момент он напрягается? Когда улыбается невпопад? Люди выдают себя не мыслями, а телом. Мысли можно спрятать. А тело — нет.

Алексей повесил трубку и задумался. Кира была права. Он слишком полагался на дар, забывая о том, что учил его Звягин: читать людей как шифр. Наверное, это была его главная слабость — доверие к силе, а не к разуму.

Он достал досье на Вальдека и начал перечитывать в сотый раз. Родился в Дрездене, учился в Лейпциге, защитил диссертацию по истории искусства, потом — дипломатическая карьера. Женат, двое детей, живут во Франкфурте. Увлечения: русский авангард, охота, классическая музыка. Ничего подозрительного. Идеальная биография.

Слишком идеальная.

Алексей взял красный маркер и обвёл фразу: «живут во Франкфурте». Почему семья не с ним? Дипломаты часто возят с собой жён. А Вальдек — один. Говорит, что дети учатся в немецкой школе, а супруга не хочет менять климат. Но что, если причина в другом? Что, если он скрывает семью, чтобы защитить? Или, наоборот, они — заложники?

Алексей отложил досье. Завтра нужно было идти на приём в Кремлёвский дворец. Он знал, что Вальдек будет там. Значит, нужно быть готовым.

Параллельно, в университете, появилась Алина. Она училась на том же искусствоведческом потоке — смешливая, с тёплыми карими глазами и привычкой тереть прядь волос за ухом. Их первое свидание случилось в Третьяковской галерее, где она полчаса объясняла ему разницу между Куинджи и Айвазовским, и её голос был как летний дождь. С ней Алексей чувствовал себя почти нормальным, почти человеком, а не инструментом.

Но это требовало постоянного контроля: он блокировал чтение, возводил ментальные стены, отчего казался рассеянным и отстранённым. Однажды, сидя в кафе на Пятницкой, она вдруг замолчала, повертела в руках чашку с остывшим капучино и спросила: «Ты всё время где-то не здесь. Я тебе не интересна?»

И он поймал эхо её мысли — горечь, подозрение, что от неё что-то скрывают. Правда, которую он не мог произнести, кислила на языке, разъедая изнутри. Он что-то соврал про подготовку к сессии, и Алина сделала вид, что поверила.

Но в тот вечер, вернувшись домой, он долго смотрел на себя в зеркало и думал: какого чёрта ты делаешь? Ты врешь ей. Ты врешь всем. Ты сам превратился в легенду, в фальшивку. И когда всё закончится, от тебя ничего не останется.

Он знал, что должен прекратить эти отношения. Ради её безопасности. Ради собственного спокойствия. Но не мог. Потому что в мире, полном чужих мыслей, чужих тайн, чужих страхов, Алина была единственным человеком, чьё сознание он не хотел читать. Он просто хотел быть рядом. Слышать её голос. Видеть её улыбку. И это желание было сильнее любых инструкций.

Развязка грянула в особняке на Пречистенке, где Вальдек устроил закрытый приём для коллекционеров авангарда. Картины Шагала и Кандинского висели на стенах, гости потягивали шампанское, а под потолком плыла музыка Скрябина — нервная, диссонирующая, как само сознание Алексея в тот вечер. Под видом поиска уборной он проник в кабинет на втором этаже. Ноутбук Вальдека стоял на столе, открытый, незапароленный.

Это была ловушка.

Алексей понял это, едва его дар погрузился в цифровые недра. Экран ноутбука был не просто включён — он транслировал специально подготовленный ментальный вирус, который сработал в тот момент, когда Алексей коснулся его сознанием. Реальность треснула, как яичная скорлупа. Мир разлетелся на осколки, и в каждом осколке отражался Вальдек — улыбающийся, холодный, торжествующий.

«Ты думал, что охотник, мальчик? — его голос звучал в каждой клетке, в каждом вздохе, в каждом ударе сердца. — Я ждал тебя с первой минуты. Твой резонанс записан, твой центр будет уничтожен. Ты даже не представляешь, какую сеть ты спутал».

Алексей попытался выстроить ментальную сферу — ту самую, из матового стекла, — но Вальдек бил с такой силой, что стены трескались одна за другой. Ледяное цунами сминало барьеры. Алексей чувствовал, как слои его защиты осыпаются стеклянной крошкой, как сознание начинает мутиться, как боль пронзает затылок и расползается по позвоночнику.

Он уже почти потерял сознание, когда вдруг услышал голос Киры — не в реальности, а где-то в глубине памяти: «Не сопротивляйся. Стань зеркалом».

Да. Зеркало. Он перестал возводить стены и впустил в себя всю ярость, всю ледяную мощь противника. А потом — отразил, усилив обратным резонансом. Это было похоже на то, как если бы он проглотил огонь и выдохнул пламя. Вальдек рухнул с криком, схватившись за виски — его собственный удар вернулся к нему, сокрушительный и неотвратимый. В комнату ворвалась Кира, обезвредила охрану. Данные с ноутбука ушли в Центр.

Алексей стоял на коленях, дрожа, с кровью из носа, и смотрел на поверженного врага. Вальдек лежал на полу, скрючившись, и в его сознании, наконец-то открытом, Алексей увидел то, что тот так долго прятал: не секреты «Химеры», не финансовые схемы, а маленькую девочку в больничной палате. Дочь. Ту самую, о которой он думал, как о заложнице. Она умирала от редкой болезни, и Вальдек продал душу «Химере» в обмен на лечение. Лечение, которое так и не пришло.

Алексей поднялся на ноги. Кира хотела что-то сказать, но он жестом остановил её. Он подошёл к Вальдеку, присел рядом и тихо произнёс:

— Я не прощаю тебя. Но я понимаю, почему ты это сделал.

Вальдек поднял на него глаза — мутные, полные боли и ненависти. Но в них мелькнуло и что-то ещё: удивление. Словно он впервые встретил врага, который не хотел его добивать.

— Ты не такой, как они, — прошептал Вальдек. — Ты не такой, как мы.

— Может быть, — ответил Алексей. — Но я знаю одно: боль не оправдывает предательства. Выбирая чудовищное средство, ты сам становишься чудовищем. И твоя дочь... она бы не захотела такого отца. Того, кто убивает детей других людей, чтобы спасти своего.

Вальдек закрыл глаза. Может быть, он услышал. Может быть, нет.

Поздно вечером, сидя в кабинете Звягина под зелёным абажуром, Алексей ещё ощущал эхо победы. На столе стыл недопитый чай, за окном шумел майский ливень. «Ты справился, — сказал полковник, но в его голосе не было радости. — Однако есть проблема. Девушка, Алина. Она пропала».

Телефон не отвечал, квартира на Кутузовском оказалась пуста — вещи на месте, но ни записки, ни следов борьбы. «Скорее всего, она была частью операции Вальдека, — Звягин говорил глухо, глядя в стол. — Подсадная утка. Или её убрали, чтобы замести следы».

Алексей не поверил. Не мог поверить. Он вспоминал их встречи — каждую улыбку, каждое прикосновение, каждую мысль, которую он запрещал себе читать. Алина не могла быть агентом. Он бы почувствовал. Или нет? Он был так осторожен, что не читал её — а вдруг именно поэтому пропустил нечто важное?

— Я найду её, — сказал он. — Живую или мёртвую.

— Ты никуда не пойдёшь, — отрезал Звягин. — У тебя другая задача. «Химера» не уничтожена, а только обезглавлена. Мы нашли координаты их главного сервера. Он в подземном комплексе под Воробьёвыми горами. Ты нужен там.

— А Алина?

— Алина — это личное. А личное не должно влиять на операцию. Ты понял?

Алексей молчал. В груди расплзалась звенящая, ледяная пустота. Зеркало отразило врага. Людей оно отразить не смогло.

Он встал, кивнул и вышел. В коридоре его ждал Денис.

— Слышал, — сказал тот, не глядя на Алексея. — Держись. Может, она жива.

— Может быть, — ответил Алексей и пошёл в свою комнату, чувствуя, как внутри рушится что-то очень важное. То, что держало его на плаву все эти месяцы. То, что напоминало ему, зачем он борется.

Он закрыл дверь, сел на кровать и уставился в стену. За окном всё ещё шумел ливень. Вода текла по стеклу, размывая огни города. И в этом размытом, мокром мире не было места для любви. Только для войны.

Но где-то в глубине, на самом дне сознания, теплилась искра: «Она жива. Я знаю. Я должен найти её».

Это было иррационально. Это было против всех инструкций. Но это было единственным, что не давало Алексею сломаться.

Он достал телефон и набрал номер Киры. Гудок. Другой. Третий.

— Слушаю.

— Кира, мне нужна твоя помощь. Не официальная. Личная.

— Говори.

— Алина. Я должен найти её до того, как мы пойдём на комплекс. Если она в руках «Химеры», её могут использовать как приманку. Или как оружие.

— Ты понимаешь, что это риск? Звягин не одобрит.

— Мне плевать.

Пауза. Долгая, тягучая. Потом Кира сказала:

— У тебя два дня. Потом мы идём без неё.

— Спасибо.

— Не благодари. Я делаю это не для тебя. Я делаю это для неё. Потому что когда-то меня саму бросили умирать. И никто не пришёл.

Она отключилась. Алексей убрал телефон и лёг на кровать, глядя в потолок. Завтра начинался новый день. День поисков. День, когда он рискнёт всем — карьерой, доверием, жизнью — ради одного человека.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить лицо Алины. Не фотографию из досье, а живое: с родинкой над губой, со смешинками в уголках глаз, с тёплыми, как летнее утро, мыслями, которые он так и не прочитал.

— Я найду тебя, — прошептал он в темноту. — Клянусь.

И темнота, словно услышав, сомкнулась вокруг него плотным, липким коконом. Снаружи всё ещё шёл дождь. Но где-то далеко, может быть, в подвалах «Химеры», может быть, в другом измерении, кто-то тоже шептал его имя.

На следующее утро Алексей проснулся с чётким планом. Он не будет действовать в одиночку. У него есть Денис, есть Кира, есть Ноль — та самая «нулевая личность», которая, как выяснилось, перешла на сторону «Резонанса» после того, как Вальдек был нейтрализован. (Господин Эн, как оказалось, был не врагом, а двойным агентом — или, скорее, человеком, который устал быть пустотой и захотел снова стать человеком.)

— Я помогу найти её, — сказал Ноль, когда Алексей изложил ему суть. Его голос — безликий, лишённый интонаций — звучал странно в утренней тишине столовой. — Но ты должен понять: если «Химера» взяла её, значит, они знают о тебе всё. Твои слабости, твои страхи, твою связь с ней. Они будут использовать её как крючок.

— Я знаю.

— И ты всё равно пойдёшь?

— Да.

Ноль кивнул. В его ментальном поле, обычно абсолютно пустом, на мгновение мелькнуло что-то — тень уважения, может быть, или печали.

— Тогда начнём.

Они проработали план до обеда. Денис нашёл возможный адрес, где могли удерживать Алину — заброшенный склад на окраине города, принадлежавший одной из подставных фирм Вальдека. Кира обеспечила прикрытие. Звягину, конечно, доложили, но он сделал вид, что не знает. (Алексей потом узнал, что полковник сам дал добро на операцию, прикрыв её как «учебную тренировку». У каждого, даже у самых принципиальных, есть свои слабости.)

Операция началась в девять вечера. Алексей, Денис, Ноль и двое бойцов группы захвата подъехали к складу на двух чёрных «Газелях». Место было мрачным: ржавые ворота, выбитые окна, запах горелой проводки и кошачьих экскрементов. Ментальный фон — мёртвый, словно здесь никогда не было жизни. Но Ноль уловил слабый, едва различимый след.

— Она там, — сказал он. — В подвале. Одна. Охрана снаружи — четверо. Вооружены.

— Не стрелять, — приказал Алексей. — Только нейтрализация.

Он не взял оружия. Ему оно было не нужно.

Штурм занял три минуты. Ноль подавил сознание охранников (его пустота действовала как обезболивающее — отключала волю, не причиняя вреда), Денис и бойцы связали их. Алексей спустился в подвал.

Там, в бетонной камере с единственной лампочкой под потолком, сидела Алина. Живая. Грязная, исхудавшая, с синяками на лице, но живая. Она подняла голову, когда скрипнула дверь, и в её глазах мелькнул страх, а потом — узнавание, а потом — слёзы.

— Я знала... что ты придёшь, — прошептала она.

Алексей опустился на колени и обнял её. Она пахла потом, кровью и страхом, но для него это был самый сладкий запах в мире.

— Прости, — сказал он. — Прости, что не пришёл раньше.

— Ты здесь. Это главное.

Он помог ей подняться и вывел на свет. Ночь встретила их звёздами и прохладным ветром. Денис курил у машины, отводя взгляд. Кто-то из бойцов протянул Алине флягу с водой.

— На сегодня всё, — сказал Ноль. — Но это не конец. «Химера» знает, что мы освободили её. Они ждут нас в другом месте.

Алексей кивнул. Он знал. Но сейчас, держа Алину за руку, чувствуя тепло её пальцев, он мог позволить себе несколько минут покоя.

— Поехали домой, — сказал он.

И они поехали — в Москву, в безопасность, в будущее, которое снова обрело смысл.

Глава 4. Эхо бездны

Спасение Алины не стало концом — оно стало началом новой, более сложной битвы. Та ночь в подземельях «Химеры», когда Алексей вынес её на руках из дымящегося комплекса, осталась в памяти как череда размытых образов: взрывы за спиной, мокрый снег на лице, чужие руки, принимающие ношу, тихий голос Киры: «Она жива, но...».

Это «но» повисло в воздухе, как туча перед грозой. Алина была жива. Но та Алина, которая улыбалась ему в Третьяковской галерее, которая спорила о Куинджи и Айвазовском, которая пахла летним дождём, — она не вернулась полностью. Часть её осталась в белой палате с голосами, звучащими изнутри.

Алексей существовал в режиме ожидания. Он выполнял рутинные задания, читал сводки, участвовал в тренировках, но по ночам его преследовал один и тот же сон: Алина стоит у стеклянной стены, пытается до него достучаться, но между ними — невидимая преграда. Он просыпался в холодном поту, садился на кровати и долго смотрел на спящую рядом женщину. Она дышала ровно, но в её мыслях — он позволял себе заглядывать лишь на мгновение — была пустота. Не та, первородная, как у Ноя, а выжженная, оставшаяся после того, как из сознания вырвали кусок.

Звягин, чувствуя его состояние, отстранил его от активных операций. «Тебе нужно время, — сказал он, не глядя в глаза. — Займись архивами. Алина тоже нуждается в отдыхе. И в тебе — не как в агенте, а как в человеке».

Алексей не спорил. Он понимал, что полковник прав: в таком состоянии он опасен и для себя, и для других. Но тишина архива, пыльные папки, пожелтевшие плёнки, запах старой бумаги и машинного масла — всё это напоминало ему кладбище. Кладбище чужих секретов, мёртвых операций, несбывшихся надежд.

Алина проводила дни в медицинском крыле. Ася, несмотря на свой юный возраст, работала с ней как с самой сложной пациенткой. Ментальные шрамы от внушений «Химеры» не заживали так же, как физические. Каждый сеанс терапии оставлял Алину обессиленной, но иногда, в редкие минуты ясности, она сжимала руку Алексея и шептала: «Я здесь. Я всё помню. Просто... не всё могу сказать».

И эти минуты были для него дороже любых побед.

Архив располагался в подвале особняка, за герметичной дверью с кодовым замком. Туда спускались редко — только самые проверенные, только те, кто умел хранить тайны. Алексей проводил там по десять часов в сутки, сортируя документы «Химеры», которые удалось изъять после ареста Вальдека. Среди них были отчёты о ментальных экспериментах, списки агентов, финансовые схемы. Но главное — он искал ответ на вопрос: почему? Почему «Химера» возникла? Кто её создал? И как её остановить навсегда?

Однажды, перебирая старые фотографии, он наткнулся на снимок группы людей в белых халатах. Они стояли на фоне какого-то института, улыбались в камеру, и на их лицах не было ни тени сомнения. В центре, с папкой в руках, стоял молодой мужчина с пронзительными глазами и тонкими губами. Подпись под фотографией гласила: «НИИ-22, 1987 год. Руководитель программы "Резонанс" — Владимир Громов».

Алексей замер. Громов. Фамилия показалась знакомой. Он полистал дальше — и нашёл. Несколько месяцев назад, в одном из документов, упоминался генерал Громов — не иначе, как куратор проекта «Инквизитор», той самой системы подавления сенсетивов, о которой ходили слухи в центре. Тот самый Громов, который сейчас, по словам Киры, усиливал свое влияние в недрах СВР, ратуя за «окончательное решение проблемы нейроаномалов».

Алексей откинулся на спинку стула. Картина складывалась: «Химера» и «Инквизитор» были двумя сторонами одной медали. Одна создавала сенсетивов, другая их уничтожала. И те и другие служили одной цели — контролю. Вопрос был только в том, кто держит поводок.

Он взял телефон и набрал номер Киры.

— Мне нужно с тобой поговорить. О Громе.

— Приходи вечером. Но будь осторожен. В центре не все лояльны.

Вечером они встретились на крыше — том самом месте, где Алексей и Денис когда-то курили украденные сигареты. Теперь Денис был в отъезде — выполнял задание в Новосибирске, — и на крыше было только двое: Алексей и Кира.

Город внизу горел огнями. Москва жила своей ночной жизнью, не подозревая о битвах, которые разворачивались в её подземельях и кабинетах. Алексей смотрел на бесконечную ленту машин на Садовом кольце и думал о том, как хрупок этот мир. Как легко его разрушить.

— Ты видел фотографию? — спросил он.

— Да, — Кира стояла рядом, держась за перила. Ветер трепал её седые пряди. — Громов был одним из создателей «Резонанса» — той самой программы, по которой нас тренируют. Но в девяностых он ушёл в тень. Считал, что сенсетивов нельзя использовать только как инструмент — их нужно либо полностью контролировать, либо уничтожать. Он называл это «стратегической санитарией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.